

На следующий день после обеда Чэнь Чжу, взяв с собой рис и овощи, отправилась обратно в школу. На этой неделе у них должны были пройти экзамены, после которых начинались зимние каникулы.

Чэнь Сяюнь продолжил свои ежедневные занятия, отправившись к соседу, дедушке Си, чтобы практиковать каллиграфию. За месяц его навыки значительно улучшились, и теперь его иероглифы выглядели уже вполне сносно, по крайней мере, их стало можно разобрать.

Придя в дом дедушки Си, он не обнаружил его дома и, как обычно, направился в кабинет, чтобы самостоятельно попрактиковаться за письменным столом. Однако, зайдя внутрь, он увидел юношу, сидящего за столом с книгой в руках.

Юноша был одет в белую рубашку, поверх которой накинута серый шерстяной свитер, а сверху — черное пальто. Его лицо было чистым и светлым, с четкими чертами и холодной строгостью. Густые брови, глубокие, загадочные глаза, прямой нос и слегка розовые губы — все это делало его черты лица невероятно привлекательными. Его лицо было идеально пропорциональным.

Сяюнь перевел взгляд на руки юноши, держащие книгу. Длинные, изящные пальцы слегка сжимали страницы, и Сяюнь подумал, что эти руки идеально подошли бы для игры на пианино.

Он даже начал завидовать книге, которую держал юноша... Черт, когда я стал таким поклонником рук? — подумал Сяюнь, покачав головой, чтобы прийти в себя.

— Ты пришел заниматься каллиграфией? — спросил Си Мохань, заметив, как мальчик замер на месте. Сначала он подумал, что это просто ребенок, пришедший поиграть, но потом вспомнил, что дедушка упоминал о соседском мальчике, которого он учит каллиграфии. Догадавшись, что занял его место, он закрыл книгу, встал и пересел на диван.

— О, вы уже познакомились? — раздался голос дедушки Си, который как раз вернулся домой. Увидев, что двое уже встретились, он представил их:

— Сяюнь, это мой внук, Си Мохань. Зови его братом Хань. Мохань, это Сяюнь, мальчик из соседнего дома, которого я учу каллиграфии.

Услышав «брат Хань» и «младший брат Юнь», Сяюнь почувствовал, как по его коже побежали мурашки. Ему было неловко, но он все же произнес:

— Брат Мохань.

Си Мохань просто кивнул в ответ, не проронив ни слова, и продолжил читать.

— Сяюнь, брат Хань не очень разговорчив, — пояснил дедушка Си, зная характер своего внука. Он боялся, что Сяюнь может подумать что-то не то, и добавил:

— Ты пойдешь со мной прогуляться или останешься здесь читать?

— Читать, — ответил Си Мохань, даже не поднимая головы. Дедушка Си, зная его характер, не стал настаивать и ушел.

Так Сяюнь сел за стол, чтобы продолжить занятия каллиграфией, а Си Мохань остался на диване с книгой. Никто не мешал друг другу.

Однако, сидя рядом с таким красавцем, Сяююнь с трудом мог сосредоточиться. В прошлой жизни он так и остался девственником, не встретив подходящего человека и не желая искать мимолетных связей. А теперь перед ним сидел такой идеальный мужчина! Нет, пока еще юноша, но уже красавец. Хотя он ничего не мог сделать, но хотя бы мог наслаждаться видом.

Сяююнь писал несколько иероглифов, а затем украдкой бросал взгляд на юношу на диване. И так повторялось снова и снова. Однако Си Мохань не был слепым и, конечно, заметил эти взгляды. Когда Сяююнь в очередной раз посмотрел на него, Си Мохань поднял голову и, нахмурившись, спросил:

— Насмотрелся?

— Ещё не насмотрелся, — машинально ответил Сяююнь.

Си Мохань внезапно рассмеялся, и Сяююнь тут же понял, что сказал. Ему стало так стыдно, что он готов был провалиться сквозь землю. Он ударился лбом о стол, думая: «Красота — это проклятие! Красота — это проклятие!»

Си Мохань, наблюдая за его реакцией, не смог сдержать смеха. Услышав это, Сяююнь в ярости закричал:

— Хватит смеяться! Что тут смешного?

Но он забыл, что как раз занимался каллиграфией, и его лоб оказался в чернилах. Си Мохань, увидев это, рассмеялся еще сильнее. Заметив, что Сяююнь вот-вот взорвется, он указал на его лоб.

Сяююнь, недоумевая, потрогал лоб и ахнул: «Черт, я весь в чернилах!» Теперь он понял, почему лоб был таким холодным — он коснулся только что написанных иероглифов.

Сяююнь понял, что больше не может оставаться здесь. Он быстро собрал свои принадлежности и выбежал из комнаты.

Си Мохань, наблюдая, как он убегает, рассмеялся так, что у него на глазах выступили слезы. Он вытер их, чувствуя, что давно не смеялся так искренне. Теперь его визит к дедушке не казался таким скучным, как раньше.

*

Дети, дети, не торопитесь, после Лаба наступит Новый год. Лабачжоу, через несколько дней, лилила двадцать третьего. Двадцать третьего — сахарные леденцы; двадцать четвертого — уборка дома; двадцать пятого — жареный тофу; двадцать шестого — тушеное мясо; двадцать седьмого — забивают петуха; двадцать восьмого — замешивают тесто; двадцать девятого — пекут пампушки; тридцатого вечером не спят всю ночь; а в первый день Нового года идут поздравлять.

*

Однако в семье Сяююня не следовали всем этим традициям. В их деревне почему-то никогда не праздновали Лаба, не варили Лабачжоу и не пекли пампушки. Поэтому дни 28-го и 29-го числа для них не имели особого значения.

23-го числа бабушка Чэнь снова приготовила много кухонных леденцов.

В этот день не только бабушка Чэнь делала леденцы, но и в деревню пришел старик, который занимался приготовлением попкорна. Он нес с собой небольшой, но довольно тяжелый аппарат для попкорна, а также печь, ящик, дрова и уголь, а также металлическую бочку для попкорна, на которую была надета длинная тканевая сумка. Он начал ходить по домам, выкрикивая: «Попкорн! 20 центов за порцию!» Тут же несколько женщин и детей с золотыми початками кукурузы и бамбуковыми корзинами подошли к нему.

Старик отмерял кукурузу с помощью средней чашки, затем засыпал ее в аппарат для попкорна, закрывал его и ставил на печь. Одной рукой он вращал аппарат, чтобы кукуруза равномерно прогревалась, а другой раздувал огонь. Примерно через 5 минут, когда температура достигала нужного уровня, он снимал аппарат, ставил его на металлическую подставку, накрывал бочкой и резко нажимал на рычаг. Раздавался громкий хлопок, и горячий попкорн вылетал в бочку, наполняя воздух ароматом.

С виду одна чашка кукурузы превращалась в целую корзину попкорна, объем которого увеличивался в несколько раз. На вкус он был сладким и хрустящим, хотя и не таким мягким, как рисовые шарики, но все же очень приятным.

В этом году семья Сяюня приготовила один килограмм попкорна из кукурузы и риса, которого хватило надолго.

Аромат попкорна разносился по всему дому. Сяюнь взял горсть и положил в рот. Сладкий вкус был настолько насыщенным, что хотелось есть еще и еще. Это было намного вкуснее, чем попкорн из города, приготовленный с маслом или шоколадом.

— Бабушка, я отнесу немного дедушке Си, — сказал Сяюнь, набирая попкорн в пакет. Он знал, что в доме дедушки Си никогда не делали попкорна, так как сам дедушка не любил сладкое, а детей в доме не было.

<http://bllate.org/book/16464/1494564>